

«МАРГАРИТ» И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА РУСИ XV–XVI в.

О древнерусском церковно-учительном сборнике под названием «Маргарит» на сегодняшний день известно немного. Некоторые сведения о «Маргарите» мы находим в трудах А. Горского и К. Невоструева, А.С. Архангельского, А. И. Соболевского, В. М. Истрина. Статья о «Маргарите» имеется в Словаре книжников и книжности Древней Руси¹. Суммируя уже известное, можно сказать, что «Маргарит» — это переводной сборник уставных чтений, сохранивший свое греческое (византийское) название *Μαργαρίται*, что в переводе значит «жемчужины». По своему составу «Маргарит» сближается с другими четырьмя сборниками, такими, как «Изумруд», «Златая чепь», «Златая Матица». Перевод и распространение на Руси «Маргарита» были обусловлены предписаниями уставов². Византийские «Маргариты» не имели строго определенного содержания («определенной литературной физиономии», по выражению Архангельского): в наиболее обширных списках число бесед достигало 70–80³. Древнерусский «Маргарит» обладает устойчивым составом, его литературную основу составили 30 сочинений Иоанна Златоуста.

Время и место перевода «Маргарита» на церковнославянский язык точно не определены. А. Горский и К. Невоструев считали, что перевод слов «Маргарита» «не принадлежал к числу древних переводов»⁴, А. С. Архангельский также полагает, что «перевод помещающихся в наших «Маргаритах» слов не отличается древностью, но все же на славянские языки сборники эти первоначально переведены были, кажется, давно; некоторые славянские списки «Маргаритов» носят на себе следы среднеболгарского языка XIII–XIV в., как, например, рукопись Московского Румянцевского музея 1530 г., № 195» (см. описание рукописей Румянц. Муз. С. 245–250)⁵. Соболевский упоминает о южнославянском переводчике Дионисии, ученике болгарского патриарха Феодосия, который в XIII в. перевел «Маргарит»⁶.

Анализ «Маргарита» показывает, что сборник является уникальным, весьма важным явлением культуры средневековой Руси. Насчитывая большое число списков, «Маргарит» оказал существенное воздействие не только на расширение литературного кругозора древнерусского читателя, не только на развитие оригинальной русской письменности и богословия (что немаловажно само по себе), но и на формирование культурных мировоззренческих установок древнерусского читателя, его взглядов на происходящее в современной ему истории.

В этой статье мы попытаемся показать, каким образом выбор бесед для древнерусского «Маргарита» соотносился с историко-культурной ситуацией на Руси XIV–XVI в., а также рассмотрим структуру рассматриваемого памятника литературы и выскажем предположение о причинах его перевода на древнерусский язык. Анализ осуществляется на материале наиболее популярного из списков «Маргарита», а именно списка, включенного в XVI в. митрополитом Макарием в состав Великих Миней Четних⁷.

¹ Черторицкая Т. В. Маргарит // СККДР. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. Л–Я. С. 100–102.

² Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палеи // ИОРЯС. СПб., 1898. Т. III. Кн. 2. С. 478–491, 509–511.

³ Архангельский А. С. К изучению древнерусской литературы. Очерки и исследования. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 63.

⁴ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1869. С. 126.

⁵ Архангельский А. С. К изучению древнерусской литературы. Очерки и исследования. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. С. 63.

⁶ Соболевский А. И. Иоанн Златоуст в русской письменности // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1905. Т. VI. Стб. 943.

⁷ По изданию: «Маргарит» // Великие Миней Четних, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1899. Сентябрь, 14–24. Стб. 777–1193.

В первой части статьи дается краткая информация о составлении бесед Иоанном Златоустом в контексте своего времени (что помогает хотя бы отчасти уяснить общую культурно-историческую обстановку эпохи создания оригинальных бесед), а также выделяются *ключевые* риторические темы, затронутые в гомилиях «Маргарита». Выделение ключевых (т. е. наиболее разработанных в составе той или иной беседы) тем преследует сугубо практические цели: в сочетании с другими источниками информации о культурно-исторических приоритетах древнерусского общества периода распространения сборника они дают хорошую основу для верификации выводов; кроме того, дают наглядное представление о содержании и структуре рассматриваемых текстов.

Во второй части статьи мы попытаемся проследить нити корреляции между культурно-историческими особенностями периода появления «Маргарита» на Руси и основной тематикой этого сборника, а также сделаем основные выводы и обобщения.

I. Итак, как уже было сказано выше, «Маргарит» включает в себя 30 бесед Иоанна Златоуста, знаменитого ранневизантийского проповедника и интерпретатора Св. Писания. Сюда вошли шесть слов «О непостижимом, против аномеев», шесть слов «Против иудеев», шесть слов «О серафимах», пять слов «О богаче и Лазаре», три слова «О Давиде и Сауле», четыре слова «О Иове» (последние из разряда *Spirita*).

Из 12 бесед Златоуста «**О непостижимом, против аномеев**» (PG⁸. Т. 48. Col. 701–812) в состав «Маргарита» вошли только шесть (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 11-я по PG). Эти беседы принадлежат к числу немногочисленных догматических и полемических работ Златоуста. Первые пять слов были произнесены Златоустом в Антиохии, вероятнее всего, в 386–387 г. В целом эти беседы направлены против аномеев, наиболее радикальной партии ариан, которые самоуверенно приписывали себе совершенное знание самого существа Бога. Кроме того, аномеи утверждали, что Сын не только «неподобен» Отцу (отсюда и название *ἀνομοιοί*), но что Сын по природе ниже Отца. Основная цель рассматриваемых бесед — попытка показать «безумие» аномеев, ограничивающих рамками человеческого ума безграничного Бога и измеряющих разумом неизмеримое. Цикл бесед «Против аномеев» содержит немало интересных богословских и философских идей Златоуста и может послужить одним из важных источников для специального исследования о влиянии мировоззренческого наследия этого ранневизантийского святого на древнерусскую мысль. Одиннадцатая беседа рассматриваемого цикла была произнесена в 398 г. в Константинополе и нацелена уже не против аномеев, хотя Montfaucon и Migne помещают их под титулом *Contra Anomoeos*.

Ключевые темы:

1. Что се? Пастырь не предстоить, и овца съ мнозѣмь благочиниємь стоять... (Стб. 777–785)⁹

непостижимость Бога¹⁰

послушание и верность; о любви; истинное и ложное знание; несовершенство человеческого разума; непостижимость Бога*¹¹; кротость

2. Прѣдъ мнозѣ(м)и деньми къ неподобнымъ глаголахъ, таже къ иудеомъ... (Стб. 785–798)

непостижимость Бога

Антиохия — апостольская преемница; неверие аномеев; человеку непозволительно допытываться о промысле Бога; непостижимость Бога*; несовершенство человеческого разума; о физическом небе; образ врача

⁸ PG — здесь и далее: Migne, J. P. *Patrologiae cursus completus. Series graecae*. Paris, 1850–1887. Vols. 47–64.

⁹ Здесь и далее в начале каждой графы приводится зачало древнерусского перевода рассматриваемой беседы. Последовательность зачал совпадает с той, которую мы находим в древнерусском «Маргарите» в составе ВМЧ.

¹⁰ Здесь и далее полужирным шрифтом выделяется осевая, т. е. разрабатываемая на протяжении всей беседы тема.

¹¹ * Здесь и далее звездочкой мы обозначаем темы, повторяющиеся в беседе несколько раз.

3. Трудолюбнии отъ земледѣльникъ вьегда аще видятъ дрѣво бесплодно... (Стб. 798–809)

непостижимость Бога

образ земледельца; непостижимость Бога-Творца*; доказательства непостижимости и неприступности Бога; о Евхаристии; сила совместной молитвы; дела доказывают истинность верующего

4. Довлѣше убо, прѣжде показавшу Бога непостижима суца челоуѣкомъ... (Стб. 810–821)

непостижимость Бога

Даниил не смел взирать на ангела; непостижимость Бога*; человек не имеет точного знания о многих других небесных силах; Бога видели только в снисхождении; единокровность и единосущие Отца и Сына; похвала исправных в молитве; порицание разговаривающих в церкви; ничтожность денег; бояться нужно только греха

5. Вьнегда аще хочеть кто должайшая бесѣды ятися... (Стб. 822–837)

единство Отца, Сына и Святого Духа

о смене дня и ночи, сна и бодрствования; единство Отца, Сына и Святого Духа; о еретике Савелии; об именах Бога; равенство Сына Отцу; о Сыне Божием в Ветхом Завете; непостижимость нашей собственной души; только Отец и Сын имеют совершенное знание друг о друге; непостижимость Бога; о молитве*; о высокомерии и смиренномудрии

6. Единъ вамъ побесѣдовоухъ день, и отъ дне оного сице васъ възлюбихъ... (Стб. 837–846)

равенство Отца и Сына

похвала константинопольским прихожанам; против ересей Маркиона, Манихея, Валентина, сект иудейских; гармония и единство Ветхого и Нового Завета; Отец и Сын — равны*; Писание — пища для души; оставлять собрание — значит обрекать душу на голод; о пользе церковных собраний

Беседы против иудеев (РГ. Т. 48. Col. 843–942). Восемь гомилий против иудеев, которые были составлены в Антиохии в период с 386 по 387 г., предназначались, главным образом, для слушателей-христиан. В «Маргарит» вошли лишь шесть бесед — 1-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я по РГ. Основная тема этих бесед — предостережение антиохийских христиан против соблюдения иудейских праздников, постов и суеверий, а также против посещений синагог. Прекрасную работу, поясняющую исторический и культурный контекст написания гомилий против иудеев, мы имеем на английском языке¹².

Ключевые темы:

7. Хотѣхъ вамъ отдати днесъ останки притчи, о нейже прежде бесѣдовахомъ... (Стб. 846–865)

неверность иудеев

иудейские праздники; иудеи отвергли Христа; против синагог*; Христос — глава Церкви; призыв не участвовать в иудейских ритуалах; против иудейских праздников; людей в синагоге исцеляют демоны; о необходимости обличать иудействующих

8. Паки страстнии и всѣхъ челоуѣкъ окааннѣйший хотятъ поститися жидове... (Стб. 866–880)

против иудейских постов

иудейский пост*; образы земледельца, корабельщика; в каждом деле важнее всего цель и причины; иудейский пост и иудейские обряды противны Божьей воле; жертвы позволялось приносить только в Иерусалиме; Господь умер за нас и мы должны вразумлять заблудших

¹² Wilken, R. L. John Chrysostom and the Jews. Rhetoric and Reality in the Late 4th Century. Berkeley, 1983.

9. Откуда намъ убо множайши соборъ бысть днесь? (Стб. 880–909)

беззаконие иудеев

против иудеев; беззаконие иудеев*; вся вселенная знает о евангельской женщине с алавастровым сосудом; невозможно разрушить Церковь; только учение Христа — прочно, остальные рушатся (Зенон, Пифагор и др.); иудейский храм и город никогда не будут восстановлены

10. Звѣрис дондеже убо в чящахъ горскихъ пасутся... (Стб. 909–925)

Бог отверг иудеев

образ животных; о мучениках; о бедствиях иудеев; иудеи никогда не хранили верность Богу; за убийство Христа иудеям нет извинения; Бог возвысил Христа, унизил иудеев; о разрушении иудейского храма, жертвенника и столицы; о смирении Христа; о неистинности иудейских священников; иудеи не исполняют положенных Ветхим Заветом обрядов; святые книги в синагоге не делают святой саму синагогу; удерживать людей от посещения синагог — значит творить милостыню

11. Убо приасте ли сытость иже на иудея брани? (Стб. 925–941)

Иудеи не могут праздновать, не нарушая закона

против иудейских праздников; о иудейском законе; доказательства того, что иудеи не могут праздновать, не нарушая закона; о новом священстве

12. Мимоиде постъ иудейский, паче же пианство жидовьскос... (Стб. 942–962)

необходимо исправлять иудеев и иудействующих

о различных видах пьянства (упивание гневом, похотью и т. п.); о Божьем попечении; об обличении и покаянии; о добром самарянине; о необходимости исправлять иудеев и иудействующих; предостережение против лечения иудейскими способами

Шесть слов, получивших в «Маргарите» общее название **О серафимах** (РГ. Т. 56. Col. 97–142), были произнесены Златоустом в рамках экзетических комментариев к книге пророка Исаии и 2-й книге Паралипоменон.

Ключевые темы:

13. Радуются стѣкающася васъ зря на послушание божественныхъ словесъ... (Стб. 962–969)

благоговение всего тварного мира перед Богом

образ материнской любви; о душе; о страхе перед Богом*; о непостижимости Бога; о Св. Писании; о пророчествах и пророках; образ вина

14. Много зрю тѣщание показующа васъ въ дѣло привести... (Стб. 969–982)

радость и благоговение перед Богом

образ земледельца; о правильном поведении во время богослужения; о радости с трепетом*; пример серафимов; радость серафимов; серафимы служат со страхом и трепетом; о пагубности зрелищ (театров); о последствии греха (на примере Моисея и израильтян; Ахара и израильтян); о поведении человека в церкви

15. Свѣтло намъ днесь позорище бысть и просвѣщено събрание... (Стб. 982–995)

гордость

о мучениках; о гордости*; о царе Озии; о грехе; о различии между грехами; о браке и девстве; о похоти

16. Благословен Богъ, яко и при нашемъ родѣ израстающа мученици... (Стб. 995–1005)

о гордости и наказании за гордость

похвала прихожанам; об отличии человека от животных; о превосходстве Церкви; о браке; о гордости*; о различии между царем и священником; о гордости Озии; о наказании; о прекращении пророчеств

17. Принеси и днесь, даже о Озии повѣстемь отдамы конец... (Стб. 1005–1013)

справедливость наказания за грех

о гордости; о превосходстве священника перед царем; о дерзновении священника; о наказании Озии; о человеколюбии Бога

18. Едва нѣкогда яже о Озии прешловахомь пучину... (Стб. 1013–1021)

подготовка к принятию Святых Таин

о духовной чистоте; брак не препятствует духовной жизни; о серафимах; о шести крыльях серафимов; о Божественной славе; о Священной Трапезе; о греховности человека; о покаянии перед принятием Св. Таин

Пять слов Златоуста на евангельскую притчу **О богаче и Лазаре** (РГ. Т. 48. Col. 963–1054), вошедших в состав «Маргарита», были произнесены святителем в Антиохии, в 387 г., что явствует из содержания и полного оглавления к первой беседе о Лазаре: «Сказано в следующий день после Календ в Антиохии против пьянствующих и входящих в корчемницы и устроющих пляски в городе, и о том, что учителю не должно отчаиваться в учениках, хотя бы в настоящее время они не убеждались, и о бедном Лазаре и о богатом».

Ключевые темы:

19. Вѣчерашний день праздник сущь диаволий сотвористе правдник духовень... (Стб. 1021–1045)

о необходимости проповедовать, против жестокости

похвала тем, кто новый год встречал в церкви; невозможность молчать для Златоуста; польза от проповедей; коварство дьявола; о необходимости проповедовать; притча о богаче и Лазаре; жестокость и бесчеловечность; суббота не для праздности, но для духовных дел (против иудеев); о излишней роскоши; за трапезой должен следовать не сон, но молитва и чтение Писаний; радость богача и бедствие Лазаря; сравнение славы земной со славой будущей; бедность — доказательство любви Бога; грех — вот истинное несчастье

20. Удивихся любви вапсей, егда еже о Лазари прежде подигохь слово... (Стб. 1045–1058)

о истинном богатстве и истинной бедности

о богатстве и бедности; Лазарь увенчан небесной славой; о духовном здоровье; лживость демонов; у богача не было обличителя; о смерти; образ театра (смерть прерывает спектакль-жизнь); в вечности самый богатый делается самым бедным; о необходимости раздавать свое имущество; о милостыни; о милосердии

21. Не прилучышаяся нас ползева яже о Лазари притчя... (Стб. 1058–1079)

о Св. Писании, о искушениях

образ матери и ребенка; о необходимости читать Св. Писание; о сложности Библии для понимания; чтение Св. Писания — защита от грехов; добрые дела; наказание за грех; о искушениях; в искушениях необходимо благодарить Бога; о наказаниях; о милостыни

22. Лазаревы притчя конець нужда днесь отдати... (Стб. 1079–1093)

о совести

образ виноградаря; добрые и злые дела; богатство и бедность; достоверность Писаний; о совести*; за свои грехи нужно судить себя самим

23. Хощу обычнаго паки коснутися учителства... (Стб. 1093–1107)

о богатстве и бедности¹³

образ земледельца; конские ристалища; порицание прихожан за духовную небрежность; широкие ворота и удобный путь ведут в погибель; узкие ворота и скорбный путь ведут к спасению; богач шел по удобной дороге, Лазарь по скорбной; о богатстве; о бедности

¹³ По РГ слово, соответствующее пятому слову о Лазаре в «Маргарите», — седьмое по счету в серии оригинальных бесед о Лазаре.

Три беседы о Давиде и Сауле (PG. Т. 54. Col. 675–708) были произнесены Златоустом, вероятнее всего, в 387 г. в Антиохии и представляют собой комментарий на некоторые главы книг Царств.

Ключевые темы:

24. Егда лѣтное нѣкое и жестоко распаление въ тѣлеси... (Стб. 1107–1122)

кротость

о пользе настойчивости в увещеваниях; о кротости (на примере Давида); вражда Саула; образ врача; незлобивость Давида; о молитве; призыв следовать кротости Давида

25. Вы убо прежде похвалисте Давыда о незлобоимѣнствѣ... (Стб. 1122–1133)

прощение и любовь к врагу

о добродетели; о грехе; о боязни греха; о кротости; награда за победу над грехом; о Данииле (иллюстрация); великодушие и снисходительность; о прощении*; о любви к врагу*

26. Многы мноу отъ иже перве оставльшихъ нас и на позорища... (Стб. 1133–1154)

о вреде театров, о прощении врагов

о грехе; о театре*; о разжигании страстей во время театральных зрелищ; о добродетели Давида; прощать в Ветхом Завете было труднее, чем сейчас; о прощении врагов*; толкование на притчу о фарисее и мытаре; о вражде и прощении; о высокомерии; о могуществе кротости; любовь и благородство по отношению к врагу

Четыре беседы о Иове

J. P. Migne в своей патрологии относит беседы о Иове к разряду *Spuria* (PG. Т. 56. Col. 567–582). Не вызывает сомнений, что беседы эти по своему языку и манере изложения мысли не принадлежат святителю. Хорошо известен тот факт, что Златоуст в период своей второй ссылки, приведшей его к смерти на чужбине, много размышлял о книге Иова, о чем свидетельствует сам в письмах, адресованных диакониссе Олимпиаде¹⁴. Однако темы, которые волновали ссыльного тяжело больного епископа и которые являются центральными для Библейской книги Иова — о смысле человеческих страданий и непостижимости Божественного провидения, — являются маргинальными в рассматриваемых здесь беседах. Кроме того, неоднократно повторяющаяся мысль о жене как угрозе для мужа противоречит учению Златоуста о браке и роли женщины в нем. Главная риторическая ось, ясно просматривающаяся в беседах Златоуста, здесь не обнаруживается: темы соединяются в общее повествование по цепочке, звенья которой не связаны между собой единой мыслью.

Ключевые темы:

27. Прииде намъ лѣтный днесъ вселенныя страдалецъ... (Стб. 1154–1161)

похвала Иову; о том, что не следует слушаться жены*; о диаволе; о благочестии; о смерти

28. Великий отъ вещей великихъ требуютъ повѣстей... (Стб. 1161–1167)

о происхождении Иова; о благочестии; о совместных трапезах; о человеке; о грехе; о богатстве

29. Принеси, и мы коснемся обѣщания, и вы послушания... (Стб. 1167–1179)

о добродетели и лишениях Иова; о диаволе; о жертве; жена — орудие диавола; о мудрости Бога

30. Вѣсюду убо и надъ всми, якоже рещи, божественными повѣстьми... (Стб. 1179–1193)

о диаволе; о болезни; о друзьях; никто не знал о намерении Бога в отношении Иова; о незлобии; о несправедливости; о возвеличении Иова

II. Самые ранние из известных списков древнерусского «Маргарита» датируются XV в. Следует отметить, что к этому времени на Руси уже имелся достаточно обширный запас переводных и оригинальных богословских произведений, в том числе произведений Иоанна Златоуста,

¹⁴ См., например, 2-е, 3-е, 4-е письма к Олимпиаде (PG. Т. 52. Col. 564–593).

знакомящих древнерусского читателя с основами христианской веры, помогающих в утверждении христианского сознания и искоренении языческих пережитков. Однако сопоставление состава древнерусского «Маргарита» с другими древнерусскими переводными памятниками показывает, что в рассматриваемую нами книгу вошли в основном произведения, не распространенные ранее на Руси. Более того, даже те из бесед, которые были включены в более ранний сборник «Златоуструй»¹⁵, переведены в «Маргарите» заново, из чего можно предположить, что эти произведения в новом культурном контексте воспринимались древними книжниками по-новому. Таким образом, очевидно, что «Маргарит» послужил некоторым недостающим сегментом того круга Златоустовых творений, который уже имелся к XV в. на Руси.

В связи с этим отметим, что ключевая тематика «Маргарита» совершенно отчетливо и очень органично вписывается в общую культурную парадигму Руси XV–XVI в. «Маргарит» подходил по своему содержанию «во изрядную пользу и спасение», как говорится в Предисловии к этой книге, «ибо что стый Златоустъ во дни своя вѣщапе, то ежде и нынѣ намъ случается»¹⁶.

Эпоха Златоуста и эпоха распространения древнерусского «Маргарита», действительно, обнаруживают немало интересных параллелей. Постконстантиновский период в Византии, как и XV–XVI в. на Руси, характеризуется вспышкой богословских споров. В IV в. в Византии по поводу всеобщего пристрастия к спорам на богословские темы воздыхал Григорий Нисский: «Иные вчера или позавчера оторвавшись от своих обычных трудов, внезапно стали учителями богословия <...>. Все в городе полно такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки <...>. Ты спросишь об оболах, а он философствует перед тобой о рожденном и нерожденном; хочешь узнать цену хлеба, а он отвечает тебе, что Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, а он говорит, что Сын произошел из ничего» (Слово о Божестве Сына и Духа = PG. T. 46. Col. 556). А спустя 11 веков Иосиф Волоцкий, один из виднейших церковных деятелей на Руси, по аналогичной причине с неудовольствием писал: «Ныне и в домах, и на путях, и на торжищах иноки и мирские и все сомняются, вси в вере пытаются...»¹⁷.

Разумеется, в краткой статье ни общую церковную ситуацию двух эпох, ни детали богословских споров на Руси и в Византии обозреть невозможно, и мы не ставим перед собой такой цели. Здесь мы перечислим лишь самые главные характеристики тех богословских споров, которые волновали средневековую Русь (в основном эти споры были связаны с развитием еретических движений¹⁸) и которые так или иначе перекликаются с мыслями, изложенными в «Маргарите».

Одним из интереснейших явлений русской общественно-политической, богословской и философской мысли периода образования централизованного государства было выступление еретиков XV–XVI в. Ересь развивала идеи, которые в конечном счете могли привести к реформации церкви¹⁹. Почва для активного распространения ересей в XV–XVI в. подготавливалась в течение длительного времени. Из общехристианских ересей на формирование русской внецерковной

¹⁵ «Маргарит» имеет в своем составе:

1) слово: «Великий отъ вещей великихъ требуютъ повѣстей...» (Беседа о Иове — л. 532г–536б), которое также встречается в «Златоуструе» полного извода (Л. 472 по рукописи кон. XV — нач. XVI в. ГИМ. Чуд. № 214);

2) слово: «Принеси, и мы коснемся обѣщания, и вы послушания; и въ будемъ вечерняго послѣдования Иовова» (Беседа о Иове — л. 536б–542г), которое читается также во всех списках «Златоуструя» полного извода, в «Златоуструе» XII в. (по рукописи XII в. РНБ. Ф. п. I. 46. Л. 52а), и в «Златоуструе» в составе ВМЧ; Ноябрь, 13–15. Стб. 1284).

¹⁶ Маргарит. М., 1764. Л. 35 об.

¹⁷ Русское православие: веки истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 96.

¹⁸ О мировоззренческих позициях русских ересей, а также о различных направлениях внутри самих еретических движений существует обширная литература. Среди наиболее обстоятельных работ см.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV–XVI в. М., Л., 1955. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV–XVI в. М., 1960; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

¹⁹ Русское православие: веки истории. С. 89–102.

мысли наибольшее влияние оказывало арианство²⁰. Из ересей домонгольского периода, в первую очередь, можно назвать ересь богомилов, идеи которых по своей мировоззренческой направленности были близки дуалистическим представлениям славянского язычества²¹.

Время же распространения первых списков «Маргарита» на Руси характеризуется вспышкой открытых еретических движений стригольников, а затем и жидовствующих в городских центрах феодальной Руси — Пскове, Новгороде, Москве, Твери, Ростове.

Ересь стригольников своей исходной точкой имела протест против мздоимства при посвящении в духовный сан. Стригольники нападали также на жадность и корыстолюбие священства, отрицали значение таинств, совершенных «недостойными» священниками (признавая все существующее и прежнее духовенство не имевшим дара Духа Святого), порицали иночество, не признавали церковных соборов, уставов, преданий.

Антитринитарная ересь жидовствующих не признавала ни Христа, ни Пречистую Богородицу, ни святых. Иконы почитались за идолы, тело и кровь Христовы — за простой хлеб и вино с водою. Большое внимание жидовствующие уделяли занятиям астрономией, обладали знаниями тайных наук, еврейской каббалы.

Конец XV в. ознаменовался углублением противоречий между церковью и государством, вызванным теократическими устремлениями иерархов церкви и замыслами великокняжеской власти, стремившейся к секуляризации церковных владений. Обстановка острой идейной борьбы, в которой происходило образование единого Российского государства, обусловила подъем общественно-политической мысли. Жизнь поставила ряд важных вопросов: о форме политического строя государства, характере и прерогативах складывавшейся самодержавной власти, о формах управления и о месте в нем различных социальных групп, о роли церкви в едином государстве, о правах и обязанностях различных сословий. Требовало идеологического обоснования и изменившееся международное положение России. Все это стимулировало развитие общественно-политической мысли. В ходе борьбы с еретиками внутри церкви постепенно складываются и две богословские партии, получившие у нас прозвание стяжателей и нестяжателей. Оба направления ставили перед собой одну задачу: усовершенствование церковно-монастырской системы, поднятие авторитета церкви, но существенно расходились в определении путей и средств достижения этих целей.

Также с начала XVI в. (а вероятно, и раньше) с западных границ начинают проникать и рационалистические еретические учения (предшественники современного протестантизма), в рамках которых проповедовалось в том числе игнорирование святоотеческих преданий, неравенство Сына Божия Богу Отцу, отрицание таинств евхаристии и покаяния, отрицание иконопочитания.

В целом еретики отличались большой ученостью, привлекали на свою сторону новыми для древнерусского читателя книгами. В 1480-х г. архиеп. Геннадий писал к ростовскому архиеп. Иоасафу: «Есть ли у вас в Кириллове монастыре или в Ферапонтове, или на Каменном книги: Сильвестр папа Римский, Слово Козьмы пресвитера на ересь богомилов, послание Фотия патриарха к болгарскому царю Борису, Пророчества, Бытия, Царств, Притчи, Менандр, Иисус Сирахов, Логика, Дионисий Ареопагит, потому что эти книги у еретиков все есть»²².

Ввиду грозившей опасности от еретиков Церковь перешла в решительное наступление: в 1504 г. в Москве состоялся церковный собор, который с согласия великого князя приговорил еретиков к смертной казни. Однако одним лишь насилием бороться с ересями было невозможно. Поэтому активному распространению ересей был противопоставлен ряд замечательных оригинальных произведений (напр.,

²⁰ Самого арианства как такового на Руси никогда не существовало. Тем не менее, прослеживается влияние некоторых арианских идей на древнерусское христианское вероисповедание. См.: Замалева А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы. Л., 1991. С. 40.

²¹ Иванов И. Богомилски книги и легенды. София, 1925. Замалева А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы. С. 42–49.

²² Цит. по кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М., 1960. Т. III. С. 185.

«Просветитель», «Устав или духовная грамота» Иосифа Волоцкого); в 1499 г. впервые за пять столетий христианства на Руси под руководством архиеп. Новгородского Геннадия все книги Св. Писания на церковнославянском языке были собраны воедино, а некоторые из отсутствующих в церковнославянском переводе книг были переведены впервые, что имело огромное значение для русской культуры, в том числе и для борьбы с распространением ересей. Вместе с тем, в создавшейся ситуации богословской нестабильности Русская Церковь привлекла себе на помощь и авторитет святоотеческих творений, дабы помочь людям правильно осмыслить происходящее, выработать правильное к нему отношение.

Одним из таких «пособий» и послужил, на наш взгляд, переводной сборник под названием «Маргарит». Разумеется, ни в коем случае нельзя утверждать, что цель перевода и распространения «Маргарита» состояла исключительно в борьбе с ересями. В этом сборнике поднимается и ряд проблем христианской этики и морали, актуальных для всех времен. Здесь также необходимо принимать во внимание тот факт, что «Маргарит» продолжал оставаться популярным еще долгое время после того, как многие из богословских споров были исчерпаны или, по крайней мере, потеряли свою остроту. Тем не менее, связь «Маргарита» с общей церковной ситуацией, сложившейся на Руси в XV–XVI в., очевидна.

Из 30 бесед Златоуста, включенных в «Маргарит», почти половина — первые 12 бесед — представляют собой сугубо *полемические* сочинения, направленные против врагов христианства (это 6 гомилий «Против аномеев» и 6 гомилий «Против иудеев»). И это при том, что богословская полемика не была излюбленным жанром Златоуста, такого рода беседы в общем корпусе творений святителя (по РГ) составляют не более 2–3 %. Иоанн Златоуст известен скорее как экзегет, «учитель нравственности», борец с грехом и мирскими обычаями в Церкви. Беседы полемического характера, представленные в «Маргарите», выдержаны в специфическом «златоустовом» стиле, т. е. в них затрагиваются и некоторые нравственные темы (см. **Ключевые темы**), однако процент их невысок, и затрагиваются эти темы в несколько более, чем это обычно бывает у Златоуста, «созерцательном» аспекте.

Переведенные беседы «Против аномеев» благодаря специфике обсуждаемых в них тем — о непостижимости Бога, о единстве и равенстве Отца, Сына и Святого Духа, о глупости еретиков, думающих иначе (ключевые темы бесед «Против аномеев» см. выше), могли выступать в качестве веского контраргумента в полемике с жидовствующими, а также с зарождавшимися рационалистическими учениями. Вместе с тем, большинство проблем, затронутых в этих беседах, могло быть актуально и для богословских споров между стяжателями и нестяжателями, поскольку спор этот имел не только социальный, но и философско-догматический характер. Разделение между стяжателями и нестяжателями не было оригинальным русским явлением, но традиционным общеюгославянским, нами унаследованным. Однако «...нигде на всем православном Востоке вопрос этот <...> не достиг такой остроты и совестливой оценки с точки зрения спасительности и святости. В этом смысле экран русской православной совести был благодарным полем для постижения и осмысления великой и вечной религиозной антиномии Бога и мира, Неба и земли, Духа и плоти. И то, что русская церковь смело поставила перед собой этот вопрос в века своего крайнего оскудения в смысле школьно-научного просвещения, только еще более подчеркивает живость и глубину ее религиозных запросов и чувства своей ответственности в них»²³.

Беседы «Против иудеев» сыграли свою роль в подавлении быстро распространявшихся антиринитарных ересей (особенно жидовствующих). Эти беседы Златоуста, в довольно резких тонах разоблачающие иудействующих антиохийцев конца IV в., соответствовали чувствам партии архиеп. Новгородского Геннадия, который считал жидовствующих своими заклятыми врагами и приложил немало усилий для того, чтобы добиться для ненавистных еретиков смертной казни²⁴.

²³ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. I. С. 451–452.

²⁴ Необходимо отметить, что в самих беседах «Против иудеев» не содержится призыва к гонениям или казням.

Следующие 6 бесед — «О серафимах» — представляют собой как бы переходное звено от сугубо богословской мысли к практическому руководству по выработке христианского мировоззрения. Основная цель этих бесед — изъяснение правильных отношений человека и Бога. Первые две беседы посвящены вопросу о страхе и радости перед Богом. Далее рассматривается практический вопрос о том, что может служить причиной гордости и что священник больше царя (темы о смысле и значении священства были особенно значимы для борьбы со стригольничеством). И наконец, тема важности подготовки к единению с Богом через принятие Св. Таин (напомним, что ни богомилы, ни стригольники, ни жидовствующие — хотя и по разным причинам — не принимали Св. Причастия).

В беседах «О богаче и Лазаре» преобладают практические темы, важные для понимания сущности христианской жизни. Наиболее часто повторяющиеся мысли — об истинном богатстве (подразумевается добродетельная жизнь во Христе) и истинной бедности (жизнь во грехах), а также о спасительности чтения Священного Писания.

Три беседы о Давиде и Сауле целиком посвящены нравственным темам. Главные из них — о кротости и прощении врагов. Темы эти несколько смягчают собой по временам резковатые ноты, звучащие в беседах «Против аномеев» и «Против иудеев».

В заключительных четырех беседах о Иове основной риторический стержень не выделяется. Уровень этих бесед заметно ниже общего уровня творений Златоуста. Тем не менее, беседы о Иове (в которых самому Иову посвящена лишь незначительная часть) «удобны» для заключительной части такого памятника, как «Маргарит». Множество крошечных тем, не связанных общей нитью логически выстроенного повествования, даются христианину как духовное подспорье в самых небольших повседневных житейских ситуациях.

Интересный штрих к общей картине бесед о Иове: несколько раз повторяющаяся мысль о том, что женщина глупее и ниже мужчины, перекликается с противоположным мнением еретиков (идущее от ереси богомилы). Богомилы полагали, что поскольку и муж, и жена одинаково созданы дьяволом, то они равны и отличаются друг от друга не больше, чем люди между собой вообще. В соответствии с этим женщины в богомильских общинах занимали значительное место (среди женщин были учителя, проповедники, священники).

Итак, перевод «Маргарита» восполнил собой тот пробел в корпусе переводных Златоустовых творений, который имелся на Руси к XV—XVI в.

Сборник распадается на две большие части: 1) беседы сугубо полемического, богословского характера; 2) беседы на нравственные темы, имеющие практический характер. Беседы в сборнике расположены по принципу обратной градации от более «масштабных» тем, касающихся вероучительных и богословско-философских проблем, к темам более частным, практическим, посвященным конкретным вопросам христианской этики и морали.

Перевод и распространение нашего сборника послужили противовесом распространению некоторых ересей (стригольничество, ересь жидовствующих и др.), а также вспомогательным инструментом для решения некоторых насущных богословских вопросов, волновавших средневековую Русь. Основная тематика рассматриваемого сборника по своей злободневности вышла за пределы хронологических рамок решаемых проблем и продолжала существовать в контексте иной культурной и церковно-общественной ситуации.